

Ю. В. КНОРЗОВ

МАЗАР ШАМУН-НАБИ

(Некоторые пережитки домусульманских верований у народов Хорезмского оазиса)

1

Благодаря успехам социалистического строительства в Средней Азии культ святых и связанные с ним явления в значительной степени утратили свое значение. Тем не менее подобные религиозные пережитки требуют серьезного отношения, особенно в бывших долгое время отрезанными от культурных центров районах, где они продолжают играть некоторую роль в бытовой жизни населения. Между тем верования народов Хорезмского оазиса изучены довольно слабо, хотя и представляют значительный практический и теоретический интерес. Успешная борьба за окончательное преодоление не только отдельных культов, но и религиозного мировоззрения вообще должна вестись на основе тщательного изучения верований в их исторической эволюции.

Среди многочисленных мазаров святых Хорезмского оазиса (большинство которых ныне утратило всякое значение) выделяются крупнейшие святилища, бывшие центры религиозной жизни, привлекавшие многочисленных паломников, особенно во время календарных праздников. В ряде случаев в качестве крупнейших святилищ фигурируют отнюдь не древние, великолепные по архитектуре мавзолей, а, наоборот, заведомо поздние. При этом святым, якобы погребенным в них, приписывается чрезвычайная древность. Некоторые носят библейские имена. В этой статье предлагается попытка интерпретации легенды об одном из таких святых, но с учетом всего комплекса данных по его культу, так как представляется методологически неправильным интерпретировать один из элементов памятника духовной культуры, игнорируя остальные и тем самым отрываясь от конкретной обстановки.

В 8 км от г. Ходжейли, по дороге на Куня-Ургенч, на большом холме расположено обширное кладбище Мазлум-хан. Подножие и склоны холма заняты группами могил, преимущественно типа «торть кулак»¹, различных каракалпакских и казахских родов. Вершина холма занята гробницами типа «сагана»² и мавзолеями разной архитектуры и сохранности, из которых наиболее замечателен, с архитектурной точки зрения, украшенный бирюзовыми изразцами полуподземный мавзолей Мазлум-хан-сулу³, давший название холму и кладбищу. В центральной части холма возвышается курганообразный бугор Джумарат-Касаб с штрековыми захоронениями в склонах. Вершина его образует круглую площадку с остатками жженого кирпича и керамики,

¹ Торть кулак, (каракалп.) — четыре уха. Имеется в виду характерная архитектура надгробия с четырьмя возвышениями по углам.

² Сагана — саркофаг в виде домика с двускатной крышей.

³ Мазлум-хан-сулу — прекрасная мученица. (К этому мавзолею приурочен вариант легенды о Фархаде).

покрытую столбиками из положенных друг на друга камней. У подножия стоит длинный, прямоугольный в плане мавзолей с высоким пештаком и семью куполами в ряд, один за другим. Внутри мавзолей разбивается на семь отдельных капелл, под арками которых проходит гигантская 27-метровая гробница аулие Шамун-наби.

2

Легенды об этом святом широко распространены в левобережных районах Каракалпакской АССР. По рассказу шейха кладбища, Шамун-наби был палван, живший задолго до Мухаммеда и боровшийся с кафирами за веру в истинного аллаха. Он приехал из Аравии вдвоем с товарищем и поселился на этом холме. Рядом в крепости жил неверный палван Гяур⁴, с которым он часто боролся. Гяур увидел жену Шамун-наби, полюбил ее и прорыл подземный ход к жилищу святого⁵. По этому ходу неверная жена в отсутствие мужа ходила на свидания с Гяуром. Однажды Шамун-наби, возвратившись домой, не застал жены, пошел искать ее, наткнулся на подземный ход и по нему попал в замок Гяура, где застал своего противника вместе с женой. Гяур стал бороться с Шамун-наби. Жена бросила под ноги мужу пригоршню проса, отчего тот поскользнулся и упал на колени. В этот момент собака Шамун-наби укусила Гяура и отвлекла его внимание. Борьба окончилась безрезультатно. После этого Шамун-наби завещал не хоронить его вместе с ногами, а отрубить их.

Жена пыталась связывать мужа веревками и даже проволокой, чтобы отдать во власть Гяура, но святой разрывал все узы. Случайно она узнала, что он не сможет освободиться, если его связать волосами из собственной бороды. Таким образом Гяуру удалось убить Шамун-наби. Согласно завещанию, перед тем как хоронить его, святому отрубили ноги.

Аналогичным образом излагают легенду еще несколько информаторов⁶. Один из них прибавляет, что после смерти святой воскрес и в свою очередь убил Гяура; другой упоминает, что у Шамун-наби был не товарищ, а брат, которого звали Яхъя. Есть версия, по которой Шамун-наби убил Гяура после того, как поскользнулся на просе, пока тот был занят борьбой с собакой, а затем — по одному из вариантов — святой, рассердившись на свои ноги, отрубил их и от этого умер. Мотив отрубания ног сохраняется во всех версиях. Времени построения мавзолея местные жители не помнят. Последний из упомянутых вариантов легенды добавляет, что у Шамун-наби было семь дочерей и что каждая выстроила ему по гумбезу. Более реалистическая версия сообщает, что мавзолей выстроил по обету «богатый человек», у которого падал скот. Он семь лет пригонял его на холм и семь раз обгонял вокруг могилы святого, после чего падеж скота прекратился.

Мазар Шамун-наби является наиболее почитаемым святилищем кладбища. К нему сходятся все дороги, ведущие к холму, и к нему прежде всего направляются посетители. Они поклоняются святому, опускаясь на колени перед порогом, касаются пальцами праха и проводят ладонями по лицу. Затем выслушивают молитву шейха и передают ему приношения. Кусты около мавзолея и нижняя часть шеста (ту) увешаны большим количеством разноцветных лоскутков, оставленных посетителями⁷. На гробнице стоит керосиновая горелка, заменившая тради-

⁴ Крепость Гяур-кала находится в полукилометре от кладбища.

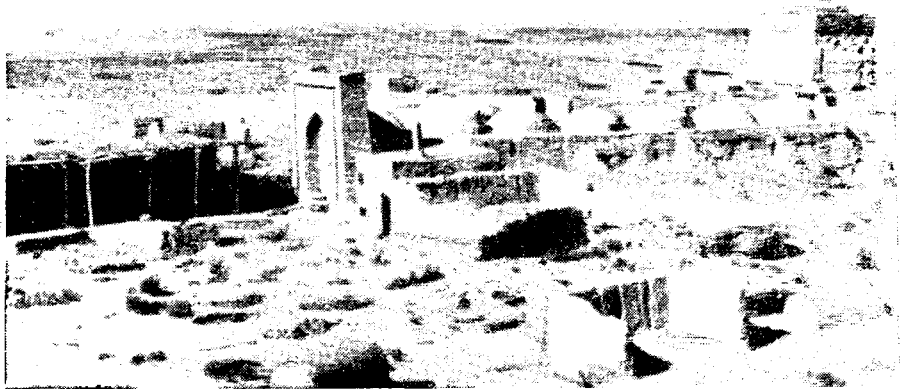
⁵ В нескольких десятках метров от мавзолея показывают углубление, якобы начало этого подземного хода.

⁶ Различные версии легенды записаны участниками II этнографического отряда Хорезмской экспедиции 1946 г.

⁷ Обычай вешать лоскуток материи (оторванный от одежды) около святилища имеет несколько значений: при болезнях, чтобы с лоскутком болезнь покинула тело;

ционный чираг⁸. В другом месте насыпаны зерна джугары. Больные крутят их вокруг головы и разбрасывают, чтобы болезнь покинула тело.

Особенно часто обращаются к святому бесплодные женщины. Они трижды обходят вокруг мавзолея, а затем, под руководством порханов, скатываются по каменистому склону бугра Джумарт-Касаб. Судя по рассказам информаторов, прежде к Шамун-наби обращались в случае падежа скота, причем при этом скот гоняли вокруг бугра Джумарт-Касаб, где и сейчас сохранилась широкая тропинка.

Мавзолей Шамун-наби

Как уже отмечалось, на вершине бугра находится значительное число сложенных из камней столбиков, тогда как около мавзолея Шамун-наби их совершенно нет⁹. По словам шейха, под бугром скрыт подземный мавзолей, еще более красивый, чем Мазлум-хан-сулу, в котором похоронен некий благочестивый мясник Джумарт¹⁰, бесплатно раздававший беднякам мясо.

Обрядовую связь обоих святилищ информаторы не могли объяснить. Посетители приходят главным образом в среду и четверг. В ночь с четверга на пятницу на кладбище обычно собирается несколько порханов, часто приезжающих издалека, и устраивается зикр или в подземелье Мазлум-хан-сулу, или, если людей немного, в доме шейха, рядом с мазаром Шамун-наби. Зикр заключается в том, что порханы под удара бубна приводят себя в экстаз внутри круга зрителей и издают различные звуки наподобие рева и шипенья разъяренных животных, иног-

иногда как символ обета принести жертву; наконец, просто как символ посещения. В некоторых случаях лоскутки вешаются обязательно каждым проходящим мимо святилища.

⁸ Чираг — глиняный светильник, обычно в виде лодочки.

⁹ Обычай ставить столбики (или миниатюрные дольмены) из камней связан с представлением о том, что после смерти того, кто поставил такой столбик, арвах (дух) его, поселится в этом столбике. Таким образом, столбики представляют собой магическую имитацию гробницы — обиталище для духа, независимо от судьбы тела.

¹⁰ Каракалп. жомарт — щедрый; кассап — мясник.

да наподобие возгласа «ху», сопровождая их резкими телодвижениями, беганьем по кругу, ударами в грудь обухом топора и т. д. Обычным приемом является также бой головами между порханами, когда они с разгона ударяют друг друга лбами, приходя при этом в настоящую ярость. Периодически останавливаясь перед кем-либо из зрителей, порханы ударяют его плетью, иногда поют предсказания своему «пациенту», раскачивая его в такт пению, и заканчивают ударом по шее или обдуванием, после чего получают несколько рублей, которые берут, не смотря на весь свой экстаз. Они стараются вовлечь внутрь круга и заставить принять участие в их манипуляциях возможно большее число зрителей. Большинство посетителей зикров — женщины. Главные порханы — мужчины, обычно казахи и каракалпаки.

3

Равнина между холмом Мазлум-хан и развалинами крепости Гяур-кала, в которой, по преданию, жил соперник Шамун-наби, усеяна обломками жженого кирпича и фрагментами керамики. Как указал еще В. Бартольд, на этом месте находился древний город Миздахкан¹¹. Об этом городе есть ряд кратких сообщений арабских географов, которые помещают его на правом берегу Аму-Дарьи, против Куны-Ургенча, между рекой и каналом Курдер.

Цитадель Гяур-кала, с гофрированными полуколоннами на фасадной стороне, относится к афригидскому времени, хотя толщина культурного слоя и керамика свидетельствуют, что город существовал здесь уже в античную эпоху. Цитадель была заброшена видимо еще до монгольского завоевания — керамика монгольского периода на ней отсутствует. Археологическая разведка А. Якубовского показала, что сам город несомненно продолжал существовать в монгольскую и золотоордынскую эпохи. Великолепный мавзолей Мазлум-хан-сулу, с его изразцовыми стенами и майоликами надгробий, снабженных персидскими надписями, датируется концом XIII — началом XIV в. Некоторые мавзолеи еще древнее¹². После арабских географов сведения о Миздахкане отсутствуют вплоть до краткого упоминания у Абульгази, говорящего о нем, как о крепости, повидимому разрушенной (середина XVII в.).

В XVII в. выросло значение города Ходжейли, носящего название одного из племен аральских узбеков (ходжа-эли), занявших к этому времени местность. Благодаря рыбному промыслу и торговле рыбой Ходжейли сделался важным портом в низовьях Аму-Дарьи. По словам А. Куна, «город исключительно занят ходжами, потомками Сеид-ата. По этому родоначальнику ходжейлинцы считают себя родственниками ходжам Туркестана. О построении Ходжейли сохранилось следующее предание: жители рассказывают, что лет 600 тому назад сюда перекочевал из Туркестана Аминутдин-ходжа, по прозвищу Алямин-ходжа. Он построил себе оседлость на месте нынешнего Ходжейли. С течением времени около него стали поселяться узбеки и киргизы, делавшиеся его мюридами»¹³.

Построение мавзолея Шамун-наби следует отнести к этой эпохе (конец XVII — начало XVIII в.) на основании архитектуры, особенно формы арок с преобладанием прямых линий, материала (жженный кирпич размером 25 × 25 × 5 см) и сохранности. Судя по многочисленным древним и новым могилам всех национальностей района, холм с этого времени сделался официальным центром религиозной жизни всей округи.

¹¹ В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, СПб., 1914, стр. 83.

¹² А. Якубовский, Городище Миздахкан, Записки Коллегии востоковедов, т. V, Л. 1930.

¹³ А. Л. Кун, От Хивы до Кунграда, Материалы для статистики Туркестанского края, вып. IV, Ташкент, 1876, стр. 218.

Видимо к тому же времени относится постройка дома шейха рядом с мавзолеем Шамун-наби. Шейхи при мазаре принадлежали к ходженлинским ходжам¹⁴.

Любопытно отметить, что мавзолей Шамун-наби был выстроен в центре холма, у подножия бугра Джумарт-Касаб, тогда как другие, несомненно, более древние мавзолеи находятся в стороне, у края холма. Вспомнив версию о построении мавзолея Шамун-наби «богатым человеком», можно предположить, что до его построения на кладбище уже имелось почитаемое святилище — Джумарт-Касаб (скот гоняли именно вокруг него), функции которого перешли на вновь построенный мавзолей. Встречающиеся на вершине бугра Джумарт-Касаб фрагменты кувшинов, сделанных на ножном гончарном кругу из обыкновенной серой массы, с ангобированной или окрашенной в более темный цвет поверхностью, орнаментированной каннелюрами и гребенчатым штампом, датируются XII веком¹⁵.

Первое упоминание о мазаре Шамун-наби встречается в хивинской хронике в начале XIX в. В 1867 г., по свидетельству той же хроники, его посетил хивинский хан¹⁶. В 1876 г. о мазаре упоминает А. Кун, проезжавший мимо холма¹⁷. Ни ему, ни хивинскому историку не известен мавзолей Мазлум-хан-сулу, по имени которого кладбище называется сейчас, что еще раз свидетельствует о центральном значении мавзолея Шамун-наби. Далее холм как одно из древнейших мест Хивинского ханства, упоминается А. Калмыковым¹⁸ и некоторыми другими авторами.

Крайняя скудость письменных источников не дает возможности восстановить по их данным древнюю культуру Хорезмского оазиса. При почти полном отсутствии местной литературы единственным надежным методом исследования является осуществляемое Хорезмской экспедицией АН СССР комплексное археолого-этнографическое изучение объектов, в свете которого вырисовывается культура древних эпох и становятся понятными пережитки, сохраняющиеся до наших дней, а неясные и отрывочные легенды приобретают значение первоклассного исторического документа.

4

Легенда о Шамун-наби, некоторые варианты в особенности, несомненно связана с библейским рассказом о Самсоне — об этом свидетельствует само имя святого, тема неверности жены, мотив связывания и роль волос, гигантский рост, наконец, общий облик борца с неверными и отнесение ко временам до Мухаммеда. Библейские сюжеты весьма распространены в мусульманских странах. Труды арабских историков и космографов, перевод на арабский язык библии, специальные «рассказы о пророках», появившиеся позднее и на тюркских языках, сделали их широко популярными.

Однако библейский элемент вовсе отсутствует в некоторых версиях, и именно они встречают параллели в других легендах Хорезмского оазиса. Ближайшей аналогией является легенда о святом Шиш-пайгамбаре в г. Кыпчак, связанная с крепостью Гяур-кала на отрогах Султан-Уиз-Дага. Молодой красавец Гяур, влюбившись в жену Шиш-пайгамбара, построил поблизости в горах (на другом берегу реки) крепость и

¹⁴ По свидетельству информаторов из числа посетителей кладбища.

¹⁵ Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность Н. Н. Вактурской, определившей керамику.

¹⁶ В. В. Бартольд, Указ. раб., стр. 83.

¹⁷ А. Л. Кун, Указ. раб., стр. 216—217.

¹⁸ А. Д. Калмыков, Хива, Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии, т. XII, Ташкент, 1908, стр. 62—63.

прорыл подземный ход к жилищу возлюбленной. Шиш-пайгамбар застал Гяура на свидании с женой и стал с ним бороться. Жена, вместо того чтобы помогать мужу, бросила ему под ноги горсть проса, отчего тот поскользнулся и упал на колени. Тогда собака Шиш-пайгамбара схватила Гяура за ногу, и святому удалось убить своего противника. После этого он объявил жене: «Учись у собаки помогать хозяину», а так как она не высказала раскаяния, то убил и ее. Перед смертью он завещал детям похоронить только его туловище, а ноги отрубить, что и было исполнено¹⁹.

По другому преданию, видимо более архаическому, Гяур выстроил свою крепость для борьбы с братом, с которым он поссорился из-за девушки. Брату Гяура приписывают построение крепости Ямпук-кала²⁰ в тех же горах. Если вспомнить о смутно упоминаемом брате Шамун-наби Яхъя, который не играет никакой роли в легенде и, вероятно, является просто отголоском традиции о существовании брата у Шамун-наби, а также указание одной из версий на приход Шамун-наби из Аравии вдвоем с товарищем, то можно предположить, что легенда о Шамун-наби, как и легенда о Шиш-пайгамбаре, представляет собой библизировавшую модификацию распространенной легенды о борьбе двух братьев, с заменой имени местного героя библейскими именами Самсона и Сифа.

Большинство версий легенды, в том числе версия шейха кладбища, утверждают, что Шамун-наби был убит Гяуром; одна из версий связывает его смерть с тем, что он сам себе отрубил ноги. Только одна версия (совпадающая с кыпчакской) утверждает, что Шамун-наби убил Гяура с помощью собаки. Можно предположить, что в древнейших версиях легенды Гяур убивал своего противника, отрубив у него ноги. Контаминируясь с легендой о Самсоне (где, кстати, герой также погибает), легенда приобрела эпизод с темой волос, а отрубленные ноги стали объясняться эпизодом безрезультатной борьбы с мотивом проса²¹ и падением на колени. Наконец, отдельные версии стали делать победителем святого²²: Шамун-наби воскресает и убивает своего противника или, как в кыпчакской легенде, побеждает с помощью собаки. Последняя версия носит подчеркнуто антифеминистический характер²³, что также мало вероятно в древнейших вариантах.

Связь мазара Шамун-наби с бугром Джумарт-Касаб, отчетливо заметная в обрядовой практике, позволяет предположить, что в имени Джумарт традиция сохраняет имя древнего героя легенды, разрушенное святилище которого (по всей видимости самое древнее на кладбище) заменил мазар Шамун-наби. Джумарт-Касаб, щедрый мясник, может быть сопоставлен с Гайомардом зороастрийских источников, упоминаемым в Авесте под именем Гайа Маретан, тогда как популярной пехлевийской формой было Гемурд. В зороастрийской космогонии Гайомард — предок всех людей (из его семени произошла первая человеческая пара), сотворенный Агура-Маздой из земли вместе с первородным быком, предком животных. По Авесте, Гайа Маретан — первый праведник, последовавший установлениям Агура-Мазды, и предок народов

¹⁹ А. Е. Россикова, По Аму-Дарье от Петро-Александровска до Нукуса, «Русский вестник», СПб., 1902, № 8, стр. 562—583.

²⁰ В казахском произношении — Джанпук-кала. Легенда записана участниками 2-го этнографического отряда Хорезмской экспедиции 1946 г.

²¹ Распространенный фольклорный мотив. — См., например, К. П. Остроумов, Сарты. Этнографические материалы, вып. II, Ташкент, 1893, стр. 160.

²² Тенденция устранить нежелательные моменты из «биографий» святых чувствуется во многих легендах. — Ср., например, Кусам-ибн-Аббас, который «сам снял себе голову» (В. И. Масальский, Туркестанский край, СПб., 1913, стр. 672).

²³ Речь идет о противопоставлении верности женщины и собаки. Девушка-убежка, рассказавшая эту версию, в заключение привела пословицу: «хатын жаф», ит вафо».

арья. Он упоминается постоянно вместе с быком, а в ряде мест, в том числе в древнейшей части Авесты — Гатах, фигурирует только бык с знаменательным эпитетом *aevo-data*²⁴. По исследованиям К. Тревер, Гайомард тождествен с Гопатшахом, получеловеком-полубыком, покровителем орошения, причем само имя «Гайомард» является переосмыслением первоначальной формы Гавомард — «бык-человек», восходящей к тотемическим представлениям²⁵.

Гайомард далеко не единственный первый человек (в поздних источниках — первый царь) зороастрийской мифологии. Легенды о нем довольно скудны и часто переплетаются с легендами о других сходных персонажах. Параллельным образом, гораздо более ярко освещенным в Авесте, является Йима (также связанный с быком), великий пастырь, богатый стадами, которого, как и Гайа Маретан, Авеста называет первым пророком Агура-Мазды. Йиме приписывают введение мясной пищи. В Хорезме горел первый огонь, зажженный Йимой. Ряд источников приписывает зажигание первого огня и установление праздника огня Гайомарду (и еще одному претенденту на роль первого царя — Хушенгу).

Борьба с врагом-антагонистом (первоначально братом) является ведущей темой в легендах о Гайомарде и близких ему персонажах. Йима погиб, распиленный надвое Ажи-Дахака (чудовишный змей — тотемическая ипостась Ангро-Майнью); по другим источникам, он был убит братом Спитейурой. Гайомард погибает то убитый самим Ангро-Майнью, то посланным им демоном смерти. В Шах-намэ сын Ахримана убивает сына Гайомарда, разорвав его пополам. Агрерат, отождествляемый некоторыми источниками с Гопатшахом (*resp.* Гайомардом), погибает убитый своим братом Афрасиабом.

Об еще одном претенденте на роль первого царя — Тахмурасе — персидский риваят²⁶ сообщает легенду, которая у Бируни в более сокращенном виде отнесена к Гайомарду²⁷: Тахмурас овладевает Ахриманом в образе черного коня, а последний, узнав у жены Тахмураса секрет, как можно справиться с ее мужем, убивает Тахмураса и пожирает его; мотив Самсона был не чужд легендам Гайомардова цикла.

О популярности образа Гайомарда свидетельствуют многочисленные упоминания о нем в иранских, арабских и тюркских источниках, где его называют первым человеком и первым царем и приписывают ему основание ряда городов. Мусульманские источники отождествляют Гайомарда с Адамом, далее довольно настойчиво — с сыном Адама Сифом (он же Шиш-пайгамбар) и некоторыми другими библейскими персонажами²⁸.

Большой Бундахишн и ряд других источников указывают местопребывание Гайомарда в Эранвеже, у берега реки Дайтии. Большинство исследователей Эранвеж (авест. Айрьянем-Вэджо) отождествляется с Хорезмом. В этой связи следует отметить, что против гор, где стоит крепость Гяура кыпчакских легенд, на левом берегу реки находится гора Джумур-тау (Киснякское ущелье). Повидимому, можно считать, что здесь локализовалось местопребывание противника Гяура, замененного в Кыпчаке Шиш-пайгамбаром (в легенде противники живут на разных берегах реки). Не касаясь вопроса о том, может ли быть на-

²⁴ Сводку источников о Гайомарде см. A. Christensen, *Le premier homme et le premier roi dans l'histoire légendaire des Iraniens*, Upsala, 1918.

²⁵ К. В. Тревер, Гопатшах — папуг-царь. Государственный Эрмитаж, Труды отдела истории культуры и искусства Востока, II, Л., стр. 71—85.

²⁶ A. Christensen, Указ. раб.

²⁷ *Chronologie orientalischer Völker von Albêrûnî*, herausgegeben von E. Sachau, Leipzig, 1876—1878, стр. 99 (перевод, стр. 107).

²⁸ Например, с Гомером, очевидно, ввиду ономастической близости. См. A. Christensen, Указ. раб., стр. 87.

звание Джумур²⁹ тюркской народной этимологией иранского Гемурд-Гайомард, в пользу отождествления Киснякского ущелья с упоминаемым в зороастрийских источниках местопребыванием Гайомарда можно привести следующие соображения.

1) Узкое ущелье, через которое прорывается река, несомненно было уже с древнейших времен окружено легендами. Местные жители прямо указывают, что здесь были святилища и кладбища огнепоклонников (отка табунышлар). Сейчас местность изобилует мусульманскими святилищами³⁰.

2) Ущелье находится в центре Хорезмского оазиса, примерно на равном расстоянии от границ древних орошенных земель. По Большому Бундахишну, первородный бык был создан «в Эранвеже, в центре земного мира, на берегу благой реки Дайтии, там, где находится центр земного мира...», Гайомард «...был создан на берегу реки Дайтии, там, где центр земли»³¹.

3) Внешний вид ущелья соответствует описанию Бундахишна. Гайомард и бык были сотворены на крутых берегах реки Дайтии в центре мира. Гайомард был по левую сторону, бык — по правую сторону, причем расстояние между ними было равно их высоте (хотя несколькими строчками выше высота определяется для Гайомарда — четыре pai, а для быка — три pai). Christensen по этому поводу замечает: «Cela ne se comprend qu'en supposant que les bords du Daïtij s'élevaient à tel point de la surface de l'eau, que la distance de l'eau du bord égalait la distance d'un bord à l'autre»³².

4) К этому месту приурочены легенды о Золотой горе (Алтын-тау), на вершине которой «находятся глубокие ямы, из которых прежде доставали золото и серебр»³³.

По зороастрийским источникам, из различных членов погибшего Гайомарда произошли металлы (перечисляются: золото, серебро, железо, бронза, олово, свинец, ртуть и диамант), причем золото, в силу его совершенства, возникло из жизненной силы и семени. Превратившееся в золото, семя сорок лет оставалось в земле, а затем из него выросла первая человеческая пара (Машья и Машьяна) в виде растения givās (по Christensen'у — *Rheum gibes*). В одном из горных святилищ правого берега почитаются растения семейства *Rheum*.

5) К этому месту приурочена легенда о Шиш-пайгамбаре, элементы которой, как показано выше, восходят к легендам о Гайомарде; выше указывалось также, что Сиф заменяет Гайомарда и в других источниках.

6) Недалеко в тех же горах находится святилище Зенги-баба. Агиографическая литература называет его преемником Хаким-ата³⁴. Однако он известен в качестве покровителя коровьих пастухов³⁵. Казахи (следует отметить, что правый берег в районе Киснякского ущелья заселен казахами) считают его предком коров. «Отец коровы назывался Зенг-баба; он только один и жил при Адаме (так назывался самый древней-

²⁹ Джумур-тау — круглая гора (каракалп. жумыры — круглый).

³⁰ По материалам 2-го этнографического отряда Хорезмской экспедиции 1946 г.

³¹ К. В. Тревер, Указ. раб.

³² А. Christensen, Указ. раб., стр. 47. Описание Киснякского ущелья см. А. П. Каульбарс, Низовья Аму-Дарьи, Записки Русского географического общества по отд. общей географии, кн. IX, 1881, стр. 31—32.

³³ Г. Гельмерсон, Хива в нынешнем своем состоянии, Отечественные записки, СПб., 1840, стр. 98. Об Алтын-тау упоминают также Мейендорф, Руссов, Каульбарс и другие авторы.

³⁴ К. Залеман, Легенда о Хаким-ата, «Известия Академии Наук», IX, № 1, 1898, июль.

³⁵ Мазаров Зенги-баба несколько. Крупнейший между Ташкентом и Чиназом.— См. П. Маев, Азиатский Ташкент, Материалы для статистики Туркестанского края, вып. IV, Ташкент, 1876, стр. 268.

ший предок народа Казак). Человек собирал траву, кормил Зенг-бабу и доил его»³⁶.

5

Сходные с хорезмийской легенды встречаются не только в зороастрийских священных книгах. Нартовский эпос осетин (родственных по языку древним хорезмийцам) дает еще более близкую параллель. Один из центральных героев Сослан погибает из-за того, что у него были отрублены ноги. Виновниками его гибели являются брат Сослана Сирдон (впрочем, обычно не называемый братом) и дочь Солнца (или Иоанна), любовь которой Сослан отверг. Они насылают на него «колесо Ойнона», отрубающее ему ноги³⁷. «Колесо Ойнона» интерпретируется исследователями как символ солнца (употребляющийся в народных праздниках), а сама легенда — как борьба культа «языческого» бога солнца Сослана с христианизированным богом солнца Иоанном Крестителем³⁸. Следует отметить, что встречающееся в хорезмийской легенде имя Яхъя — арабская передача имени Иоанна. Под этим именем он фигурирует в среднеазиатских легендах.

Ряд черт «биографии» Сослана обнаруживает близость к легендам Гайомардова цикла. Сослан родился из камня, на который упало семя пастуха, — ср. рождение из камня Митры (представляющего собой дальнейшее развитие образа Гайомарда) и рождение первой человеческой пары из семени Гайомарда. В Средней Азии распространены легенды о рождении Сифа (заменяющего Гайомарда, как указывалось выше) из семени Адама³⁹. Сослан связан с легендой о получении небесных орудий земледелия⁴⁰ — ср. легенды о Йиме и скифском Таргитае⁴¹.

Довольно определенна связь Сослана с быком: он сын пастуха (в кабардинских вариантах еще определеннее: «сын коровьего пастуха», «зачатый меж коров»); в мести за него принимает участие «нартовский великий бугай», в рай его ведет душа быка.

Связь Сослана с культом солнца и существование в честь него праздников, предположительно связанных с зажиганием огня, параллельны легендам о Гайомарде, который «сиял, как солнце», и установил праздник огня. Любопытно, что радуга в Осетии называется «луком Сослана», в Средней Азии — «луком Рустема».

Может быть, в Сослане следует видеть эпонима древних племенных союзов аорсов-аланов, вошедших в состав кавказских, славянских и среднеазиатских народов, эпические герои которых носят сходные имена и связаны с близкими легендами — Илья Муромец (в сказках Еруслан) русского эпоса, Арслан — тюркского, Рустем — иранского (речь идет, конечно, не о заимствовании, тем более, что с каждым из упомянутых героев связаны местные святилища, урочища и реликвии). Значительная часть героев, приведенных в генеалогическую связь священных зороастрийскими книгами, — эпонимы племен. В частности, Тахмурас и Хушенг сопоставляются с эпонимами племен скифской легенды о Таргитае, весьма близкой к зороастрийским легендам цикла Гавомарда — Йимы — Феридуна — Рустема и тюркским об Огуз-кагане эпониме огу-

³⁶ Н. П. Потанин, *Очерки Северо-западной Монголии*, вып. II, СПб., 1883, стр. 152; вып. IV, стр. 368, 704, 896.

³⁷ *Памятники народного творчества осетин*, вып. I, Владикавказ, 1925, стр. 7—8, 15—18 и др.; вып. II, Владикавказ, 1927, стр. 15—18 и др.

³⁸ В. Абаев, *Нартовский эпос*, «Известия Северо-осетинского научно-исследовательского института», т. X, вып. I, Дзауджикау, 1945, стр. 53.

³⁹ И. А. Кастанье, *Из области киргизских верований*, Вестник Оренбургского учебного округа, Оренбург, 1912, № 3.

⁴⁰ В. Абаев, *Указ. раб.*, стр. 50.

⁴¹ См. С. П. Толстов, *Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен*, «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9—10.

зов. Не исключена возможность, что и второй элемент имени «Гавомард» следует толковать не только как «человек», но и как племенное название⁴².

Древние образы, пройдя длительную эволюцию от тотема и культурного героя до мусульманского или христианского святого, многократно переосмысливались и переименовывались в зависимости от конкретной социальной среды, в которой они бытовали. И если в поздних образах легенд, под влиянием правящих классов герои превращаются в первых царей, санкционируя власть царственных фамилий, ведущих от них происхождение, или в святых, входя в систему официальной религии, и т. д., то в народных версиях они часто приобретают черты борцов против угнетения и даже героев антиклерикальных анекдотов. Весьма интересен с этой точки зрения антагонист Сослана Сирдон, в ряде вариантов и анекдотов (стадиально поздних) совпадающий с Наср-эд-Дином⁴³ (ср. Журынтаз каракалпакского эпоса).

6

Святынище Джумарта далеко не единственный пример стойкости домусульманских культов в Хорезмском оазисе. Не касаясь различных верований, не имеющих непосредственного отношения к теме данной статьи, следует отметить наличие в культе святых связи с тотемными образами коня-змеи (рыбы), к которым восходят и антагонисты Гайомарда. Мазар Баварыс-баба в г. Хива, связанный с непереходным весенним праздником роз, учитывая зарегистрированные пережитки офиолатрии, видимо, можно считать восходящим к культу Бивараспа (Ажи-Дахака). Легенды об Уббе (в агиографии Хубби-ходжа, сын Хаким-ата), покровителе на водах (его имя призывают также при посадке на лошадь), и его матери (Амбар-ана), покровительнице женщин (специально хорезмийской в отличие от Фатимы-Зухры — общемусульманской), видимо восходят к различным версиям легенд о великой богине (Анахита) и ее сыне (Сиявуш). К этому же комплексу относятся святынище Дульдудль-атлаган с культом коня, на поклонение которому ежегодно отправляются аму-дарьинские рыбы, и мазар Султан-баба с священными рыбами (в самом имени святого — Султан-Вейс — можно усмотреть замену по ономастической близости имени покровителя Аму-Дарьи — Вахш, упоминаемого Бируни).

Таким образом, наиболее стойкими оказываются культы божеств-покровителей ирригации, плодородия, скотоводства, что в значительной степени объясняется той ролью в хозяйственной и бытовой жизни, которую им приписывало население. Они были связаны с домусульманскими сезонными праздниками, долгое время сохранявшимися в Хорезме. Недаром обязательным подношением святому являлись первые созревшие плоды. Позднее к древним святыням оказались приуроченными переходные мусульманские праздники, вытеснившие своих предшественников. К древнейшим временам восходят и такие функции святынь, как лечение болезней, помощь от бесплодия и т. п.

Религия арабов-завоевателей, принятая правящими классами, стремившимися сохранить свое политическое и экономическое положение, и распространяемая насильственными мерами, в конце концов легализовала древние святынища, придав им мусульманский характер. При этом значительная часть местных божеств, видимо, вошла в ислам под своим

⁴² Т. е. Гавомард первоначально — нечто вроде «великого нартовского бугая» осетинского фольклора. Ср. Ажи-Дахака — «дахский змей». Племя мардов входило в состав массагетской конфедерации и локализуется у устьев Окса, рядом с апасяками (С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 244).

⁴³ «Памятники народного творчества осетин», вып. I, Владикавказ, 1925, стр. 51, 63—64, 92—93 и др.

именем и со своими легендами в качестве второстепенных мусульманских святых (Баварыс-баба, Джумарт-Касаб, Хубби-ходжа), и их святилища не пользовались поддержкой официальных властей, стремившихся укрепить новые центры религиозной жизни.

Вторая стадия исламизации в значительной степени связана с деятельностью суфийских орденов (в Хорезме — Кубрави, Яссави, позднее Накшбенди), использовавших почитаемые населением святилища для усиления своего влияния. Местные имена заменяются именами известных исторических или легендарных мусульманских святых и библейских патриархов (Хазрет Али, Овейс-иль-Карайне, Шиш-пайгамбар, Шамун-наби). Легенды заменяются новыми или изменяются до неузнаваемости. В древних святилищах строятся новые мавзолеи⁴⁴, превращающиеся в опорные базы орденов (иногда, как на Султан-баба, развертываются целые монастыри). Постоянно живущие там шейхи и ишаны усиленно эксплуатируют местные суеверия и к тому же пользуются поддержкой властей, щедро наделявших их вакуфами.

Деятельность суфийских орденов велась в основном уже в условиях сильной инфильтрации тюркских племен, приведшей к повсеместному распространению тюркского языка, а в области религии — к распространению анимистических обрядов и шаманства. В культуре святых, стандартизированном исламе, сливаются разнородные элементы. Если ряд крупнейших святилищ восходит к древнехорезмийским, то громадное количество мазаров второразрядных, пользовавшихся несравненно меньшим локальным почитанием (а ныне часто вообще утративших всякое значение), восходит к родовым святилищам и культу мертвых пришлого тюркоязычного населения. То же следует сказать об обрядах, часть которых восходит к древнехорезмийским, например, зажигание светильников.

В качестве «посредников» между аулие и населением при гадании и лечении (особенно женского бесплодия — одна из важнейших функций мазаров) в северных районах Хорезмского оазиса, кроме шейхов и ишанов, фигурируют также порханы.

Еще в недавнее время шаманство в низовьях Аму-Дарьи было весьма развито, а пережитки его кое-где сохраняются до настоящего времени⁴⁵. Оно имело ряд архаических черт, в частности были распространены трагестированные порханы, одевающие во время сеанса женскую одежду (обычно красного цвета). Наряду с песнями-призывами в сеансе основную роль играет имитация животных. По свидетельству ряда информаторов, трагестированные порханы подвергались жестоким репрессиям при хивинском правительстве. Их зарывали в землю по пояс и побивали камнями, а затем хоронили вне кладбища вниз лицом. Характерно, что репрессии против них велись одновременно с репрессиями против различных матриархальных пережитков. Хотя источники и не указывают, можно предполагать, что преследования были вызваны не только самым фактом существования трагестированного шаманства, возмущавшего ортодоксальных законодателей, но и участием порханов в борьбе Кунграда за автономию.

В таких условиях порханы ассимилировались суфийскими орденами, издавна укреплявшими свое влияние в Хивинском ханстве и низовьях Аму-Дарьи. Уже древнейший тюркский мистический орден Яссави, адепты которого действовали в Приаралье, очень быстро оказался насыщенным шаманскими элементами. Был введен громкий зикр и женщины

⁴⁴ Гробница и мавзолей воздвигаются на месте предполагаемой смерти или предполагаемого погребения (или просто на месте, где останавливался святой), что дает возможность любое почитаемое место связать с тем или иным святым и устроить там обиталище для его духа. При этом святым высшего ранга делается гробница больших, иногда гигантских размеров.

⁴⁵ По материалам II этнографического отряда Хорезмской экспедиции 1946 г.

допущены к участию в нем. Мусульманские источники отмечают любопытные шаманские черты в этом и других мистических орденах, в частности жертвоприношение быка (Яссави), манипуляции с огнем и змеями (Рифаи), головной убор с рогами быка (ученики Барак-баба) ⁴⁶. Опираясь на целую сеть почитаемых населением святилищ и освоив шаманскую практику, представители орденов пользовались успехом в качестве специалистов по гаданию, предсказанию и лечению. В то же время они принимали активное участие в политической жизни, вмешиваясь в различные движения, а иногда и инспирировали их. В конце XIX в. почти все влиятельные лица Хивинского ханства принадлежали к ордену Накшбенди.

Провозглашение Хорезмской Народной республики и включение ее в состав Узбекской ССР вызвали ожесточенное сопротивление эксплуататорских классов, в котором немалую роль играли ишаны и другие представители духовенства. Они осуществляли «идейное руководство» басмаческими бандами, выступали в роли примирителей их главарей и т. д., а позднее противодействовали культурным и хозяйственным мероприятиям. Советизация Средней Азии и успехи социалистического строительства, в частности сеть просветительных и медицинских учреждений, лишили религию опорной базы и дали возможность населению выйти из-под ее влияния. Остатки духовенства сошедших со сцены орденов при попытках удержать ускользавшее от них влияние на население опирались в первую очередь на культ святых, бывший еще в недалеком прошлом, по выражению проф. С. П. Толстова, «подлинным бичом быта коренного населения Средней Азии» ⁴⁷.

Считаю своим приятным долгом выразить глубокую благодарность проф. С. П. Толстову, руководившему как сбором полевых материалов, легших в основу данной статьи, так и их интерпретацией.

⁴⁶ K õ p r ù l ù z a d e M e h m e d F u a d, Influence du chamanisme turco-mongol sur les ordres mystiques musulmans, Istanbul 1929, стр. 7, 12, 16, 17 и др.

⁴⁷ С. П. Толстов, Религия народов Средней Азии. Религиозные верования народов СССР, т. I, М.—Л., 1931, стр. 257.